

ЕВСТИФЕЕВ Н. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЕВСТИФЕЕВ Николай Петрович, родился в 1866. Окончил университет, лингвист-полиглот. До революции провел восемь лет в ссылке в Сибири по делу А. И. Ульянова. После революции проживал в Верхне-Удинске, работал в учреждении. 14 марта 1928 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Новосибирск¹, 29 января 1929 — переведен в Свердловск. В феврале 1930 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<10 февраля 1930>

«Председательнице Общества помощи
политическим ссыльным и заключенным
тов<арищу> Пешковой Екатерине Павловне
Москва, Кузнецкий мост, 17

Административно-высланного
Евстифеева Николая Петровича
г<ород> Свердловск. Пролетарская
ул<ица>, д<ом> № 17

Заявление

Долго я колебался раньше, чем решиться обратиться к Вам, но бывают состояния, когда чувствуешь потребность что-то сделать, даже если бы это "что-то" и не обещало ничего, кроме досадного беспокойства людям, к которым обращаешься.

Когда я был арестован 14 марта 1928 г<ода> в г<ороде> Верхнеудинске (Забайкалье), я начал систематически "требовать", чтобы меня вызвали в Москву, чтобы мне предъявили конкретные обвинения, чтобы меня судили, чтобы мне дали возможность услышать обвинения. Защищаться и оправдаться, чтобы у меня лучше отняли жизнь, если я виновен в чем-либо пред Сов<етской> властью, но не отнимали бы у меня в канцелярском порядке по старости лет (я родился в 1866 г<оду>) честного имени гражданина и революционера (я был сослан на 8 лет в Вост<очную> Сибирь в связи с делом А. И. Ульянова 1 марта 1887 года).

В ответ на все это я не получал ничего, кроме убийственного молчания. Мне не было предъявлено ни одной строки, меня в чем-либо уличающей, мне не было показано или хотя бы названо ни одного лица, меня в чем-либо обвиняющего, я был лишен возможности защищаться и оправдываться против тайных изветов, так как я мог лишь догадываться о том, кто является лжедоносчиком, и на чем строятся скрытые от меня ложные доносы, легшие в основу административной расправы со мною.

Москва меня не вызвала, а то, что я писал в Центр, тонуло где-то в непроницаемом для меня гробовом молчании, и куда оно девалось, доходило ли по назначению или нет, я и до сих пор не знаю.

Продержав меня до 29 января 1929 года в стенах разных, причем, главным образом, — в Новосибирске, где никому до меня не было никакого дела, раздробив мне в арестантском вагоне палец 20 ноября 1928 г<ода>, — не допустив меня до Москвы, меня наконец выпустили 29 января 1929 г<ода> в г<ороде> Свердловске в качестве "административно высланного" сроком до 28 марта 1931 года.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 451. С. 138, 144-149, 282.

Я не буду говорить о том, что я перенес физически и материально, до "освобождения" и после "освобождения" вплоть до того, что просился в милицию на ночлег, не имея, куда голову приклонить и имея лишь 11 копеек наличных денег, но с 1 июля 1929 года я все-таки нашел себе техническую работу по одной из моих различных специальностей (как лингвист-полиглот).

Эта работа оплачивается так, что я вынужден напрячь все свои силы, чтобы хоть отчасти расквитаться с долгами, образовавшимися за время моего вынужденного тунеядства. Это было одной из причин, почему у меня не хватило сил и времени заняться реабилитацией.

Второе обстоятельство заключалось в том, что я боялся сделать какой-либо ложный шаг и почти не видел перед собой просвета: административная расправа, какой я подвергся, допускает, насколько я понимаю, ни апелляционного, ни *нрзб.* пересмотра и исправления.

Обращение же в комиссию по частным амнистиям считал нецелесообразным, так как я боялся, что самый факт обращения с просьбой о прощении и забвении (амнистия) может быть впоследствии истолкован (каким-нибудь чистильщиком, например), как косвенное признание за собой какой-то вины или провинности, между тем, как я горд сознанием своей безупречности и абсолютной неповинности пред *Советской* властью.

Я просил лучше отнять у меня жизнь, чем гражданскую честь, но на это, видимо, не обратили внимания, может быть, — сочтя это шаблонным жестом.

Обращаться же с мотивированными доказательствами того, что заслуживаю кары не я, а мои клеветники, лжедоносчики и преследователи, с которыми я боролся во имя гражданского долга, я мог бы, лишь получив в свое распоряжение все свои документы, о чем я бесплодно хлопотал с первых же дней моего освобождения, но это до сих пор не привело ни к каким результатам.

Я бы, может быть, и сейчас не собрался с духом обратиться к Вам, но сегодня (10 февраля) мне пришлось заполнить бланк анкеты для зачисления в ИТС (Инженерно-Техническую Секцию), и там я наткнулся на вопрос, не лишен ли я избирательных прав. До сих пор я наивно считал, что раз я не был под судом, то я не мог лишиться и этого основного гражданского права. Но, справившись у юрисконсульта нашего учреждения в Декрете СНК РСФСР от 26 ноября 1926 года, я увидел, что я, как административно ссыльный, отношусь к категории "лишенцев", т.е. *есть* значит, не только не пользуюсь избирательным правом, но, согласно Основных законов СССР, не могу даже присутствовать на собраниях избирателей, т.е. *есть* всех лояльных *Советских* граждан, — не могу даже занимать жилую площадь в домах ЖАКТ'ов, т.е. *есть* фактически почти во всех домах *города* Свердловска, и вынужден ютиться в домах, играющих здесь роль лишенческого гетто, — кроме того, это мое звание является угрозой для всех лиц, близких мне (в частности, для жены и дочери), поскольку они имеют несчастье так или иначе зависеть от меня.

Вот обстоятельства, которые вынуждают меня, не откладывая, обратиться к Вам с просьбой сделать все, что возможно для того, чтобы избавить меня от омерзительно оскорбительного и ничем не заслуженного звания "лишенец", или, по крайней мере, указать мне, что в своем теперешнем положении я могу и должен сделать для избавления себя и близких мне от этого незаслуженного клейма.

Иначе, я предпочитаю даже одиночное заключение или такую жизнь на положении пария или прокаженного среди окружающего меня общества в то время, когда оно осуществляет мечты и идеалы всей моей жизни, начиная с самой ранней юности.

Очень прошу не оставить мое настоящее обращение без ответа, иначе я, по создавшейся у меня за последнее время привычке, буду сомневаться в том, что обращение дошло по назначению.

Административно-ссылный Н. Евстифеев.

10 февраля 1930 года.

Свердловск, Пролетарская, 17»².

В тот же день Николай Петрович Евстифеев послал Екатерине Павловне Пешковой еще письмо.

«10 февраля 1930 года

г<ород> Свердловск,
Пролетарская ул<ица>, д<ом> № 17
И. Г. Пентюрина, Н. П. Евстифеев

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Я чувствую себя очень смущенно, посылая Вам прилагаемое при сем заявление, но, ознакомившись с ним, Вы поймете, что я не вижу перед собой иного и более верного пути.

Я и так потерял слишком много времени и, благодаря тому, выстрадал очень много и морально, и материально, но бывает, что, наконец, чувствуешь потребность (и право) постучать в ту дверь, которая дает хоть какую-нибудь надежду на выход из заколдованного кошмарного круга.

Очень извиняюсь, если, по свойственной мне непрактичности и достоинству, я напрасно Вас беспокою, но я уверен во всяком случае в том, что Вы войдете в мое положение и если сможете что-либо сделать, то Вы не откажетесь сделать все от Вас зависящее, to do your best, а потому наперед выражаю Вам мою сердечную признательность за себя и еще более за своих несчастных близких.

Сведения обо мне могут Вам дать, если Вы того пожелаете:

1) Мария Алексеевна Евстифеева, художница, проживающая в Доме Отдыха Старых Революционеров имени Ильича на Шаболовке, д<ом> № 14;

2) мой товарищ по первой ссылке Петр Кириллович Пешекеров, инженер МОГЭС (Раушевская набережная), член Комитета по сооружению памятника 1 марта 1881 года.

С искренним уважением в Вашей благородной и благодарной роли.

Остаюсь в ожидании известий Н. Евстифеев»³.

Весной 1931 — Николай Петрович Евстифеев вновь обращался за помощью в Помполит⁴.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 461. С. 14-15. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 461. С. 16. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 632. С. 128-129.